

© 2015 г.

С.В. ЛИСТИКОВ

МНОГОМЕРНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Публикацию, приуроченную к памятной дате – 100-летию начала Первой мировой войны, никак не занесешь в разряд “юбилейных”¹. Коллектив авторов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при участии ученых ряда других научных учреждений² творчески и не стандартно подошли к решению сложнейшей научной задачи – представить целостную картину всестороннего воздействия одной из двух глобальных катастроф XX в. на судьбы стран Старого Света. С учетом той определяющей роли, которую сыграли великие европейские державы в возникновении мирового конфликта, военном решении вопроса о победителе и подведении итогов Великой войны, избранный и обоснованный цивилизационный подход к раскрытию темы представляется вполне органичным и оправданным. И вместе с тем авторы показали, насколько мировая война, ускоряя процессы глобализации, вовлекая в свою орбиту обретавшиеся дотоле на периферии мировой политики страны и народы, стимулируя развитие национальных движений и центров силы (на Ближнем и Дальнем Востоке), появление нового претендента на мировое лидерство – США заставляли ведущих политиков европейских держав задуматься о модификации европоцентристского подхода к решению глобальных проблем с учетом новых реалий. При этом Россия как участник Великой войны видится исследователям, обосновывающим свою позицию с учетом тенденций восприятия судеб Отечества последних десятилетий, как неотъемлемая часть европейского цивилизационного пространства.

Работа выполнена с привлечением самого широкого круга источников, опирается на современные исследования о войне, среди которых немало зарубежных. Вдумчивому читателю нетрудно убедиться, насколько умело используется учеными новый инструментальный научного поиска (отметим в первую очередь междисциплинарный и альтернативный подходы). В целом, работа ученых МГУ вполне удачно вписывается в начавшийся с 80-х годов XX в. процесс творческого осмысления и переоценки истории Великой войны, в который ныне погружена отечественная историография. И все же, даже учитывая укоренившуюся в последние десятилетия привычку искать научное новаторство на Западе, авторам труда можно было бы пожелать более смело использовать достижения в изучении предмета российских “собратьев по перу”³.

Листиков Сергей Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2014, 816 с.

² Авторский коллектив: д.и.н., проф. А.Г. Айрапетов, д.и.н. Л.С. Белоусов, д.искусств.н. В.Д. Дажина, д.филол.н. М.П. Кизима, к.и.н. И.Э. Магадеев, д.и.н. А.С. Манькин, к.и.н. Е.В. Романова, д.филол.н. А.М. Руткевич, к.и.н. В.И. Терехов, д.и.н. Н.И. Цимбаев, к.и.н. К.Н. Цимбаев, к.и.н. А.М. Фомин.

³ См.: Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994; Первая мировая война: пролог XX века. Отв. ред. В.Л. Мальков. М.,

Свою “нишу” в изучении Великой войны авторы новой работы находят, анализируя развитие процессов социо-культурных, национальных, идейно-политических, международно-правовых, “готовивших” вселенскую битву народов, эволюционизировавших по ходу ее и ее подытоживших. Сделана удачная попытка дать адекватную, взвешенную оценку всех составляющих развития общества стран Старого Света в “чрезвычайных” условиях войны, “сместить акценты”, отойдя от характерного для отечественной историографии на определенном этапе ее развития нередко гипертрофированного внимания к факторам экономического порядка, развития крайних революционных течений и действий народных масс, вместе с ними “творивших историю”. На страницах новой работы роль последних представлена более соразмерно, они скорее “ведомые” власть предержащими, но не лишённые активности и энергии в кризисных ситуациях. Внимание же авторов в первую очередь привлечено к идеологии и практике политической, военной, интеллектуальной элит общества. К сожалению, интерес к действиям и амбициям промышленных и финансовых кругов, имевших немалое общественно-политическое значение, оказался куда более скромным.

В книге дан качественный анализ десятилетиями готовивших Великую войну процессов формирования национальных государств и “перекройки” границ Европы, достижения странами индустриальной зрелости и становившегося все более острым столкновения их интересов, качественной эволюции созданной в 1814–1815 гг. Венской системы международных отношений, постепенного складывания двух военно-политических альянсов – Тройственного союза и Антанты. И все же главным противоборством – среди прочих – становилось англо-германское; обладавшему мировыми интересами “Туманному Альбиону” бросил вызов набиравший экономическую, военную мощь молодой хищник, стремившийся к переделу уже поделенного мира, претендовавший на доминирование в Европе и идейно обосновывавший свое “право” сыграть эту роль. Читая размышления авторов, невольно приходишь к мысли, что со времен В.И. Ленина едва ли дано более фундаментальное объяснение долговременных причин возникновения мировой катастрофы.

Интересно решена в труде та сложная проблема, как в предвоенные годы в условиях силовой дипломатии в штабах верстались планы будущих победоносных боевых кампаний (многим из которых не суждено было сбыться). И как в то же время работала система “сдержек и противовесов”, общности идейных установок и личных связей привилегированных слоев общества и царствующих особ, которая позволяла “большим европейским кабинетам”, несмотря на конфликты и “малые” войны, избежать возникновения “вселенского пожара”. Читателю весьма убедительно объяснили, почему эти механизмы не сработали во время июльского кризиса 1914 г., почему столь весомую роль сыграли субъективные моменты, а лидеры великих держав не проявили должной воли и прошли “точку не возврата”. Но при этом как-то “в тени” остался фактор трезвого расчета Берлина и Вены, прекрасно осознававших, что осуществление Петроградом военной программы через пару-тройку лет сделает реализацию планов экспансии весьма затруднительным.

Рисую крупными мазками динамичную картину европейского театра боевых действий в 1914–1918 гг., авторы делают упор на показе всего того новаторского, что “изобретала” развивавшаяся по собственной логике война. Она превращалась в современную, высокотехническую, массовую, широкомасштабную, включая совершенствование планирования и осуществления военных операций, мобилизационных планов, стирание граней между фронтом и тылом, невиданные темпы изобретения и производства средств убийства людей и защиты от него. Пожалуй, раскрываемый на

1998; Мировые войны XX века, в 4-х кн. Руководитель проекта О.А. Ржешевский. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. Научный руководитель В.Л. Мальков. М., 2002; Война и общество в XX веке, в 3-х кн. Руководитель проекта О.А. Ржешевский. Кн. 1. Война и общество накануне и в годы Первой мировой войны. Отв. ред. С.В. Листиков. М., 2006, и др.

страницах работы термин “тотальная война” в наибольшей степени отразил страшный опыт, полученный человечеством в 1914–1918 гг.

Но, на наш взгляд, абстрагируясь от детального показа планов боевых операций и военных действий, следовало более содержательно представить и опереться на достижения в изучении этих сюжетов немалым числом крупных отечественных специалистов (работы И.И. Ростунова, А.М. Зайончковского, Д.Ю. Козлова и др.). Некоторые приведенные в новой работе оценки вызывают как минимум сомнения. Тяжелейшие поражения русской армии в 1915 г. не следует изображать как едва ли не “катастрофу” Русского фронта, а успех Брусиловского прорыва 1916 г. не стоит преувеличивать. С учетом заданной в работе главной темы – судеб народов Европы, военно-дипломатические аспекты межсоюзнических отношений (как стран антигерманской коалиции, так и Четверного союза) следовало представить более основательно. Как и вопрос о вкладе России в общесоюзническое дело в 1914–1916 гг., для изображения которого авторы явно пожалели красок.

Проходящая через всю работу линия изучения эволюции партийно-политических систем европейских стран трактуется авторами весьма широко. Она вобрала в себя многофакторный анализ экономических, социокультурных, идейно-политических, национальных, поведенческих и других сюжетов, определявших развитие европейского общества в экстремальных условиях войны, с учетом специфики разных стран и народов.

В работе добротной передана противоречивость предвоенной мирной и, в целом сытой и размеренной жизни европейских народов, отмеченной политическим диалогом либералов и консерваторов, традицией государственного невмешательства в экономические и социальные отношения, разобщенностью общественных групп и классов, идеологической разногласицей ученых и философов, декадансом культурных ценностей.

И все это оказалось опрокинутым неожиданно нагрянувшей для миллионов войной. Произведенные ею общественные деформации во имя военной победы и укрепления внутреннего фронта обстоятельно прослежены. Государство приобретало казавшиеся невиданными ранее функции регулятора социально-экономических процессов. Партийно-политические структуры “интегрировали” умеренно-социалистические силы и партии, со своей стороны утрачивавшие “непримиримую вражду” к буржуазному правопорядку и все чаще рассматривавшие “зашкаливавший” этатизм (поддержанный и известной частью либералов) как движение к достижению общества большей социальной гармонии. Удачно вплетена в повествование и история идейной борьбы, “мобилизации умов” мыслителей и ученых, доказывавших “справедливый” и “оборонительный” характер войны со стороны “своих” правительств. Особенно в Германии, где обоснование “права” немцев на господство над миром несло печать особой агрессивности, очевидный оттенок расовой неприязни к противнику. Антанта обосновывала свои действия необходимостью борьбы за “свободу и демократию” против германского “варварства”; в России размышления о праведном сражении с ним “русского мира” с его особой спасительной для судеб цивилизации миссией обретали некий мистический смысл.

Хорошо раскрыта авторами и тесно переплетенная с “идейной” “национальная” тема. Одним из проявлений ее стал всплеск в начале войны патриотических настроений, нередко обретавших формы яркого национализма и шовинизма. Все более популярными становились идеи самоопределения народов, “готовивших” распад огромных империй. “Верхами” велась пропаганда “национального единения” по мере нарастания усталости населения от войны. Для подрыва “внутреннего фронта” противника сражавшимися коалициями использовались иммигрантские общины, их влиятельные организации и лидеры.

Вся представленная на европейском материале в труде картина “войны и общества” работает на утверждение важной мысли: в условиях чрезмерного напряжения сил народов, неизбежно порождавшего социальное брожение, от правящих элит требовалось

умение управлять сложнейшими процессами, договариваться с разными социальными слоями, включая и народные “низы”. В зависимости от того, насколько это удавалось “верхам”, формировались и различные “модели” поведения общества и в условиях войны, и выхода из нее. Анализ этих сюжетов придает работе ученых МГУ, с нашей точки зрения, надлежащее теоретическое звучание. В составлявших ядро Антанты странах буржуазной демократии состоялся конструктивный диалог правящих элит и общества, опиравшийся на наработанные десятилетиями опыт поиска компромисса и механизмы их осуществления, нахождения нестандартных решений политическими лидерами. Поэтому несмотря на все напряжение, внутренний фронт выдержал испытания и позволил одержать военную победу.

Там же, где “диалога” народа и власти не получилось, где “верхи”, демонстрировали неискренность и запаздывание в поисках ответа на жесткие вызовы войны, “низы” и политическая оппозиция в конечном итоге брали на себя инициативу и бремя общественного переустройства.

Так случилось в России. Не вызывает возражений показ того, как в предвоенные десятилетия военно-бюрократической властью сдерживалась модернизация общества с его обострившимися фундаментальными проблемами (земельной, национальной и другими). Это сделало страну более других великих держав не способной и перенести жестокие испытания войны, готова и военные поражения 1915 г., и революционный “взрыв” Февраля 1917 г. Верным представляется и тот тезис, что после него о полномочном участии России в войне говорить не приходилось, а страна погружалась в кровавые хаос и смуту. И все же попытки остановить этот процесс новой демократической (либерально-социалистической) властью от Февраля к Октябрю 1917 г. заслуживают, по нашему мнению, большего внимания. Не говоря уже о сомнительной попытке авторов перенести центр тяжести в изучении этого ключевого периода русской революции на обострение “национальной проблемы”, бросившей вызов целостности государства. Весьма полярные оценки историками деятельности партии большевиков и их вождя на этапе завоевания власти, Октябрьской революции едва ли дают основания представить эти сюжеты столь блекло. На наш взгляд, уйдя от адекватного анализа революционного процесса в России в 1917 г. авторы обеднили яркую панораму произведенных мировой войной глобальных потрясений. Из книги исчезла главная антитеза развитию стран буржуазной демократии.

Больше привлекает ученых анализ германского общества и революции в 1918–1919 гг. Там умеренным социал-демократам удалось, при поддержке не расположенных к крайне радикальным переменам широких слоев общества, отвести эту угрозу. А вот добиться устойчивой народной поддержки, тесного взаимодействия с укоренившимися правящими элитами, армейской верхушкой умеренно левые не смогли. Это готовило будущее падение Веймарской республики.

Анализ событий в Австро-Венгрии в 1917–1919 гг. представляется наиболее интересным. Там революционное брожение, замешанное на ухудшении положения широких народных масс, нараставшей угрозе военного поражения сочеталась с ростом влияния национальных движений и их ярких вождей, идей самоопределения, запоздалыми попытками куцых реформ центральной властью, что и привело к развалу империи. Ученые размышляют над возможной альтернативой подобному исходу, показывают обстоятельства, не позволившие осуществиться выходу Австро-Венгрии из войны посредством сепаратного мира, о чем думали оценивавшие риски распада империи политики стран антигерманской коалиции. По существу дискуссионным остается вопрос о том, можно ли считать процесс образования на ее месте национальных государств однозначно позитивным, если в Европе возник очаг напряженности и конфликтов, а мировому сообществу позднее не удалось нащупать более совершенного механизма их разрешения, чем институты Дунайской монархии? Интересна и интерпретация венгерских событий в 1918–1919 гг., где борьба за социально-политическое обновление общества совместилась с желанием отстоять территориальные интересы страны. Это придало переменам весьма радикальную направленность, спровоцировав конфликт с

державами-победительницами и их прямую интервенцию. Так, в условиях созданной войной общественно-политической нестабильности “национальное” и “социальное” сливались в гремучую смесь, готовившую революционный взрыв.

Сильная сторона работы – показ эволюции внешнеполитических ориентиров участников противоборствовавших коалиций по ходу развития войны и сопутствовавших ей дипломатических “игр”. А также анализ все более настойчивых поисков лидерами власть предержащих, прежде всего из чувства самосохранения в условиях нарастающей социальной турбулентности, идейных основ нового миропорядка, который уберечь бы человечество от повторения глобальной катастрофы (в книге эта линия прослежена на британском материале). Собственно, “14 пунктов” В. Вильсона во многом опирались на европейскую либеральную и социалистическую мысль.

И все же читателя подводят к выводу, что принесенные народами Старого Света страшные лишения и жертвы не были напрасны, принеся позитивные перемены: крушение империй и авторитарных режимов, распространение демократических институтов, образование независимых государств; “верхи” приобрели бесценный опыт управления обществом в кризисных обстоятельствах. После войны бурно дискутировались вопросы, станут ли социал-демократы постоянной частью политического ландшафта, что делать с этатизмом (в результате во многих странах он был сведен до минимума). Впрочем, случись авторам труда оторвать свой взор от стран, составлявших ядро европейской цивилизации и обратить его на север, им удалось бы увидеть становление скандинавской модели социального государства.

Представлена, пускай и без детального изучения, и альтернатива. В России на подконтрольной большевикам территории, подчиняясь логике развития жесточайшей междоусобицы, формировалась диктаторская, однопартийная система власти. Она подминала под себя рожденные русской революцией ростки гражданского общества – после разгона Учредительного Собрания и по ходу устранения многопартийности советов, подавления политической оппозиции, не отвечавшего чаяниям народа решения земельного, продовольственного, рабочего и иных важнейших общественных проблем, утверждения федерации как принципа строительства советского государства.

Авторы (едва ли оправданно) оставляют без должного внимания идейный багаж и практику крайне левых сил в европейских странах – сторонников большевиков, анархо-синдикалистов. Зато живой интерес вызывает крайне правый, “охранительный ответ” буржуазного общества на ультралевый вызов. Порожденный недовольством результатами войны всплеск националистических настроений, поиски простого и радикального решения сложных социальных и имущественных проблем частью бывших фронтовиков и средних слоев привел к зарождению и развитию в центре европейской цивилизации, в Италии и Германии, тоталитарного движения, фашизма, грозившего стать для человечества страшной бедой.

Видя многие вызовы, альтернативу приведшей к мировой катастрофе “старой”, силовой, блоковой дипломатии попытались найти лидеры держав-победительниц на Парижской мирной конференции (январь 1919 – январь 1920 гг.). Однако, как показал данный в работе основательный анализ ее итогов, старые стереотипы решения мировых проблем, эгоистическое понимание собственных интересов цепко держались в сознании лидеров европейских держав. При столкновении с ними пасовали принципы той “новой” дипломатии, ярким поборником которой выступал В. Вильсон. В результате родился весьма противоречивый симбиоз решений, оставивших массу горячего материала для конфликтов и войн.

А потому в труде уделено должное внимание анализу уроков, которые, сообразуясь с новыми внешнеполитическими задачами, извлекали из мирового конфликта военные разных стран. Для французов-победителей он стал стандартом ведения боевых операций, который во многом мешал заглянуть в будущее. Немцы, видя перед собой сонм “вероятных противников” и думая об обороне рубежей, но все же более динамично искали пути возрождения боевой мощи. Британцы с их имперскими амбициями делали ставку на действия мобильных сил в локальных конфликтах, надеясь тем самым

избежать повторения “большой войны”. Едва ли вызовет возражение и та мысль, что попытки советского партийно-военного руководства решать задачи укрепления вооруженных сил с привлечением, наряду с опытом войны Гражданской, и уроков войны мировой, привели к милитаризации жизни общества в целом.

Несколько особняком по смыслу и подаче материала стоит тема вызванной войной трансформации в духовной жизни общества, в литературе и искусстве. Задача решена профессионально, мастерски, хотя и несколько сложно для восприятия читателем, с учетом обращения авторов к философским корням мира художественных образов. В работе представлено, как в предвоенные десятилетия обезличенный мир машин, стяжательская мораль буржуазного общества, девальвируя у людей творческих веру в царство разума и прогресс человечества, вызывали поиски новых духовных ценностей. На путях разрыва с традиционным опытом искусства развивались авангардные направления, поиски обновленных форм, цветовых гамм, отвлеченного стиля, абстрактных образов. В этом контексте война могла казаться несущей обновление бурей. Переживавшиеся народами потрясения подтолкнули развитие модернистских направлений; иррациональные, антиинтеллектуальные поиски смысла и отражения бытия нашли обоснование в философии экзистенциализма. Пошатнулись нравственные нормы, стиралась грань между добром и злом, воспевался мистический культ силы. За всем этим виделся кризис европейской цивилизации, “закат Европы”. В поисках самовыражения художник размышлял о роли своих образов в преобразовании реального мира. Переживавшая духовный кризис творческая интеллигенция нередко искала новые ориентиры в политике, обретая их у “крайних” – правых и левых. Как альтернатива развивались традиции реалистического искусства, обретавшие все более очевидное социальное и антивоенное звучание, представлявшие трагедию народов и утратившее идеалы “потерянное поколение”. И все же пробуждались робкие надежды, что человечество обретет подлинную духовность, вернется к христианским ценностям.

Особо скажем о прекрасном оформлении работы; кропотливом труде ученых, умело подобранных солидный объем тематических и статистических сведений справочного характера (более полусотни страниц таблиц и карт), дополняющих и комментирующих результаты научных изысканий; богатый иллюстративный материал, представляющий рожденный войной мир художественных образов, плакатов и фотографий.

Отмечая неоспоримые достоинства работы, позволим себе высказать ряд замечаний, которые могут показаться, однако, и спорными. Авторы лишь пунктиром намекают ответы на сложнейшие вопросы, поставленные острой общественно-политической полемикой в нашей стране: могла ли Россия избежать участия в мировой войне? Почему Февраль, почему Октябрь? Могла ли Россия воевать в конце 1917 г., и был ли позорный Брестский мир неизбежен? Завершение мировой войны в ноябре 1918 г. как бы вывело за ее рамки процессы, ею порожденные, но более долговременные – в частности, Гражданскую войну в России. И из повествования по существу исчезла тема “России антибольшевистской”. Если рассматривать историю Отечества как часть общеевропейской, правомерно ли оставить без внимания интервенцию стран антигерманской коалиции в России (с весны 1918 г.), начатую по непосредственно связанным с перспективами победы в мировой войне причинам? Вспомним, что многие белые политики и военные считали борьбу с большевизмом “вторым фронтом” войны с Германией. Завершение ее в конце 1918 г. привело к серьезному ослаблению поддержки державами-победительницами “белого дела” и негативно повлияло на исход Гражданской войны. В целом, анализ русской темы выглядит лишенным должной цельности и глубины. Читателя как бы возвращают к вопросу: “кто мы?”. Не представляет ли Россия, при неизменном вовлечении ее во все переживавшиеся Европой катаклизмы, все же особый “мир” со своей собственной судьбой и спецификой развития общества и культуры?

В целом авторам удалось органично и творчески представить разные измерения процессов, которые выковывали “новую” Европу в горниле Первой мировой войны. Однако, развитие как отдельных государств, так и “нового” миропорядка оказалось

конвульсивным, несло в себе массу противоречий, готовивших вторую глобальную катастрофу. Эту правильную мысль исследователи дополняют не менее значимой: заложенные в годы Первой мировой войны “замедленного действия” “взорвались” в последние десятилетия XX в., разрушив привычный уже для современного поколения и казавшийся таким незыблемым биполярный мир. (Уж не казалось ли нашим предкам мироустройство летом 1914 г. столь же стабильным?) По существу, труд исследователей МГУ ставит перед читателем обоснованный вопрос: не стала ли Великая война по своим глобальным, долговременным последствиям катастрофой более разрушительной и значимой для судеб человечества и европейской цивилизации, чем ее “производное”, трагедия народов в 1939–1945 гг.?

Да, авторов можно упрекнуть в недосказанности ряда тем, некоторой “рыхлости” структуры. Но ведь и проблемы, за анализ которых взялись ученые, настолько сложны и переплетены, что задача систематизации и изложения материала представляется архисложной. Значение труда и в том, что он позволяет выявить “лакуны” в изучении отечественными историками Первой мировой войны, требующие пристального внимания. Недостатки же работы с лихвой компенсируются интересными идеями, обращением к дискуссионным вопросам, приглашающим и читателя думать и размышлять.